

**О ЧЕМ И О КОМ ГОВОРИТСЯ В СТИХОТВОРЕНИИ В. ВИТКИ
«ЧЫТАЮЧЫ «СЛОВА АБ ПАЛКУ ІГАРАВЫМ»»
(к проблеме интерпретации)**

Национальная принадлежность того или иного художника слова справедливо считается важнейшим компонентом, определяющим его мирозерцание. В качестве изначального показателя она не только организует проявление всех других идейно-эстетических факторов, но в сущности, определяет квинтэссенцию творческой индивидуальности мастера.

Это положение обретает особую значимость и востребованность, когда речь идет о представителе белорусской культуры, которая в последние два-три десятилетия предельно «сжалась» вокруг одной, центральной проблемы — национального возрождения.

Предметом нашего рассмотрения станет один из эпизодов творчества Василя Витки — писателя и поэта, чье напряженное эмоциональное внимание к «Слову о полку Игореве» на протяжении около полувека (1942–1986 гг.) осталось вне внимания со стороны критики и литературоведения.

Первоначальным в этой градации фактов (насколько нам известно) надлежит считать письмо Тимоха Васильевича Крысько от 11 сентября 1942 г. к жене Ольге Григорьевне.

Здесь мы обратимся к одному из последних витковских стихотворений означенного блока «Чытаючы “Слова аб палку Ігаравым”» [1].

Оно было опубликовано во второй половине 1984 г., что позволяет вполне вероятно расценить его как гражданскую личностную инициативу поэта, отклик на событие международной значимости — постановление XXII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 1983 г.). Уместно будет напомнить, что большинство художественных, популярных, научных материалов, масштабных официальных актов в СССР были приурочены к 1985–1986 гг.

Метатекст витковского стихотворения проявляется наиболее отчетливо и выразительно, когда текст вступает в явное противоречие со смыслами, которых привычно ожидает читатель при оценке морального и общественного значения военной экспансии князя Игоря в «Слове». Оно предстает лишь в качестве креативного идейного фактора, обеспечивающего жизнеспособность и историческую перспективу некоему истинно центральному и наиважнейшему структурному блоку (в отличие от Игоревы похода).

По нашему предположению, таким сюжетно-композиционным фрагментом, с которым связаны для В. Витки все главные интенции «Слова», является период текста от «Уже бо Сула не течеть сребреными струями...» до «... суда Божіа не минути.» [7, т.1]. Здесь описаны события белорусской истории, поступки ее героев. В видении поэта они представляют собой

художественную реальность как систему взаимосвязанных явлений, между которыми действуют глубинные связи и предопределения многовековой значимости и перспективы. В витковском тексте — они логически организуют семантическое поле. (С чем «не справляется» повествование о князе Игоре [см. подробнее 2]).

В тексте В. Витки мы наблюдаем следующий модус поэтического переосмысления «Слова»: идея единения сосредоточивает свою креативность на географическом пространстве белорусских земель. Она утрачивает избирательность своего обращения к высшим представителям социального (политико-военного) сословия всей Руси, обретает демократизирующие коннотации. И как результат — мы можем говорить о ее национально созидательном содержании.

Латентным, но истинным героем его стихотворения стал собирательный образ, некий герой-протагонист, актант национального развития. Здесь реализован довольно редкий по направленности психоэмоциональных интенций художественный прием: генезис утверждения, положительной перспективы из отрицания и деструктивности явлений, описанных в первоисточнике. Речь идет об энергичных деяниях князя Всеслава.

Перевод стихотворения на русский язык, выполненный Н. Кисликом [3], показал, что отмеченные идейно-художественные новации были чутко восприняты и даже по-своему поэтически развиты, модифицированы коллегой по перу. Он вполне проникся точкой зрения на «Слово» как информационный источник белорусской истории, а также важнейшими интенциями белорусского оригинала. Но надо отметить, что при этом акцентировал, выделил и усилил отдельные из них.

Н. Кислик будто коснулся своего поэтического сочинения рукой живописца, подобно интерсемиотическому переводу. К примеру, на основе нарративности текста источника «на знявечаным пакутным полі / Зарастуць яры і раны буй-травой» он создает двусторонний по своей изобразительности напоминающий статичный, «результативный» пейзаж, рисованный на полотне: «на земле, железом изувеченной, // Буй-трава шумит под солнцем снова...». Этот прием поэтики представляется несколько неожиданным в переводе умозрительных медитаций, которые сосредоточены на желании лирического героя скорее понять в себе, чем развернуто, панорамно утвердить некую декларативную позицию. Но он «срабатывает» в данном случае очень удачно, потому что опирается на дополнительные зрительные эффекты в передаче идейного содержания белорусского стихотворения.

Более того, под пером Н. Кислика мы наблюдаем расширение сферы использования этого приема и в плане колористики. Благодаря чему достигается дополнительное сопряжение русского перевода с древнерусским протографом в первоозначенном Виткой общеидейном аспекте.

Сопоставим. В интересующем нас фрагменте «Слова» описываются события на черно-белом (темном — изобилующим светом, искрящемся, прозрачном) фоне, включая все их ахроматические оттенки. Что же касается

колористики (а. цветообозначающих прилагательных; б. выступающих в их роли отпредметных прилагательных, которые прямо указывают на цвет; в. слов и словосочетаний, которые с высокой степенью ассоциативности пробуждают и усиливают вербальные цветовыражения), то она акцентирует эмоциональную содержательность повествования. Для иллюстрации этих положений приведем в текстовой последовательности «Слова» речения, которые «организуют» обильный бело-черный (свет, блеск — тьма) «сценический задник». На нем графически вычленим хроматическую гамму: «сребренными струями; болотомъ течеть*; подъ чрълеными щиты; на кровавѣ травѣ; [кров']**»; птицъ крылы пріодѣ; а звѣри кровь полизаша; изрони жемчужну душу; чресъ злато ожереліе; злата стола Кіевскаго; звѣремъ въ плъночи; изъ Бѣла-града; обѣсися синѣ мыгль***; скочи влъкомъ; Немизѣ кровави брезѣ; посѣяни костыми; въ ночь влъкомъ; до Куръ Тматороканя; великому хрѣсови; влъкомъ; позвониша заутренюю рано»[7, т. 1].

Как видим, семантическая группа красного цвета (подчеркнуто нами — Л.З.) представлена обильнее других — 4 компонента, и 3 из них с корнем [кров']. (Для сопоставления: в «Слове» в целом преобладает «синий» — 8 раз). По справедливому заключению авторитетных медиевистов, «устойчивым цветовым символом в средние века было... сочетание красного, белого и черного цветов» [6, с. 41], их использование позволяет говорить «о цветовом коде, реализующемся в текстах традиц.[ионной] нар.[одной] культуры и о круге символического употребления для каждого Ц.[вета]» [7, т. 5, с. 196], в этом явлении не без оснований видят связь и с византийской культурой [7, т. 5, с. 196].

На втором месте по эмоциональной значимости безусловно присутствует не названный, но ассоциативный зеленый: «трава» и в несколько смягченном варианте «берега» реки Немиги. Подразумеваемый зеленый по контрасту психологически усиливает воздействие на читателя-рецепиента кроваво-красного.

Чрезвычайно важна для нас и локальная группировка цветовых маркеров: 75% (три из четырех слов) семантического поля красного и 50% (одно из двух) условно-зеленого сосредоточены в новелле об Изяславе

* Белорусские переводчики это словосочетание перефразируют в едином семантическом ключе мрачной палитры: «Дзвіна... мутная» — М. Горецкий, «Дзвіна ўчарнела цячэ...» — Р. Бородулин, «цячэ Дзвіна балотам-багнай» — Е. Крупенько. [4, ч. I, с. 212], «Дзвіна балотам цячэ» — В. Каяла [5, с. 169].

** Довольно широко принятые варианты прочтения темного места в издании 1800 года «Исхоти ю на кровать, и рекъ» предполагают иные членения текста с выделением морфемы «кровь'» (Е. В. Барсов, М. И. Маньковский, Н. К. Грунский, М. В. Щепкина, И. Д. Тиунов, Л. А. Булаховский, Н. А. Мещерский, А. А. Бурыкин и др.). В белорусских переводах это: «лілася юначая кроў, а ты казаў» — И. Чигринов [4, ч. I, с. 215], «з любі́цам акрываўленым, а той сказаў» — В. Каяла [5, с. 169]. Этот дополнительный аргумент в расчетах не принимаем.

*** В белорусских переводах соответственно «сіняя імгла» — Я. Купала (прозаический и стихотворный), М. Горецкий, И. Чигринов, В. Дорошкевич [4, ч. I, с. 227], В. Каяла [5, с. 171]; «сі́няя воблака» — Р. Бородулин [4, ч. I, с. 227].

Васильковиче. Фраза «подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ» впечатляет своей цветовой выразительностью. По этой причине она стала объектом внимания очень многих исследователей: в ней обоснованно видят усиленную характеристику цветовых (красный — зеленый) показателей, которые, как упоминалось ранее, являют основу традиционной символики.

Нетрудно заметить выразительное присутствие такого же фона, а на нем (локализация здесь индифферентна) подобной на отмеченную выше цветовой «вспышки» в импрессии Н. Кислика.

Фон представлен словами:	На нем выделяются:
седой	зелено-отрочья (как антитеза седой, т.е. белой,
тьма	стариковской)
луч	сердце (потенциально красный)
грозные тучи	биенье крови (красный)
свет	сердце (потенциально красный)
темные беды	буй-травы (потенциально зеленый)
земля	
Солнце	

Русский текст также открывается упоминанием о серебряных струях, развивается сюжетно-колористически (зеленый — красный — красный — крас-ный — зеленый) и завершается светом («солнце»). Кольцеобразная структура колоративов здесь совпадает с тем, что наблюдаем в «Слове». Серебряный начинает «цепочку», а на исходе описания — упоминание о жемчуге и золоте. На эту светозарность заключения фрагмента об Изяславе справедливо обратила внимание Л. В. Соколова: «Метафора «жемчужная душа» построена на сравнении чистой души князя... с чистой, светлой, перламутровой белизной жемчуга. Интересно, что блеск «жемчужной» души не противопоставляется..., как в христианской литературе, «мрачному» телу, а сочетается с блеском «золотого ожерелья»... на шее князя» [7, т. 5, с. 195].

Подтверждает предложенное сближение с древнерусским пассажем и лексико-семантическая параллель к определению «малады», которую отмечаем в переводе Кислика — «зелено-отрочий». Эта дефиниция в смысловом отношении неприменима ни к главному герою «Слова», ни к одному из действующих лиц фрагмента кроме Изяслава Васильевича. Князь Игорь — далеко не отрок. Он имеет жену Ярославну и сына Владимира в возрасте жениха, участника его похода. Всеслав Брячиславич достиг энергичного расцвета и завершения своей деятельности. И только имя Изяслава упоминается исключительно среди старших его в роде (отец, дед) и ровесников поколения (два брата). Ему дважды сопутствует (избыточное) определение — числительное «единь»: «Единь же Изяславъ... позвони своими острыми мечи...», «единь же изрони... душу». Оно обретает звучание трагического аккорда: подчеркивает безоглядную отвагу поступка, свойственную юности; жертвенность рано оборвавшейся жизни, при защите родины. Смерть его ритуально-поэтически оплакана («Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи»).

В условиях предложенного прочтения перевода представляется художественно оправданным, что аллюзия В. Витки на выражение «Слова»

«не бологомъ бяхуть посѣяни» не нашла отражения у Н. Кислика. Она не просматривается в соответствующих строках: «Так велик на свете твой посев, // Что пред них величье славы ратной!». Ведь битва на Немиге и ее герой Всеслав — вне сферы размышлений переводчика, его внимание сосредоточено на Изяславе.

Таким образом, можно утверждать, что латентный герой витковских медитаций в прочтении Н. Кислика не теряет своих национальных истоков и общего свойства завуалированности, суммарности изображения. «Скользящей» оказалась его психолого-оценочная характеристика и в связи с этим привязка к конкретному историческому имени. Она нашла свое столь впечатляющее отражение в разночтении одного и того же исторического источника.

Исходя из сегодняшнего состояния белорусской медиевистики, а также историко-функциональных «запросов» конца XX и первого десятилетия XXI в. полагаем, что интерпретация В. Витки, несомненно, закрепила за собой более прочные, устойчивые и перспективные провидческие позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вітка, В. Чытаючы «Слова аб палку Ігаравым» // Полымя. 1984. № 8. Далее цитую по этому изданию.
2. Зарембо, Л. Метатекст и латентный герой стихотворения В. Витки «Чытаючы «Слова аб палку Ігаравым»» // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Минск, 2009. Вып. VI.
3. Витка, В. Читая «Слово о полку Игореве» / пер. с бел. Наум Кислик // Неман. 1986. № 5.
4. Булахаў М. «Слово о полку Ігоревѣ» і Беларусь: у 2 ч. Мінск, 2000.
5. Старажытная літаратура ўсходніх славян XI–XII стагоддзяў: Хрэстаматыя. Гродна, 2004.
6. Колесов, В. В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве» // Свет и цвет в славянских языках. Melbourne, 2004.
7. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Санкт-Петербург, 1995.